

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-2-140-145

© О. А. Воробьева

НЕРЕАЛИЗОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ Л. А. МЕЯ

Л. А. Мей больше известен как переводчик и поэт. Вершиной его поэтического таланта общепризнанно считаются исторические драмы «Царская невеста» (1849) и «Псковитянка» (1860). Сотрудничая во многих периодических изданиях (он писал для «Москвитянина», «Библиотеки для чтения», «Отечественных записок», «Русского слова»,¹ «Современника», «Светоца», а также для менее известных изданий — «Раута», «Общезанимательного вестника», «Семейного круга», «Светописи», «Шехерезады», «Северного цветка», «Зрителя»²), Мей питал амбиции быть издателем журнала. В 1853 году он хотел выкупить у К. П. Масальского «Сын отечества»; следующими неосуществленными проектами были журнал «Россия, временник отечественных событий, словесности, науки, искусств и художеств» (далее — «Временник...»³), о котором и пойдет речь в настоящей статье, затем в 1858-м Мей совместно с В. В. Писаревым предпринял попытку получить разрешение на издание «Листка для грамотного люда», а после — «Мирского слова».⁴ Ни один из этих проектов не увенчался успехом, в связи с чем Мей получил репутацию неудачливого издателя, организаторские способности которого высмеял Н. Ф. Щербина в «Соннике современной русской литературы»: «Мей во сне видеть — предвещает аркадски возьмется упорное и продолжительное намерение без денег издавать журнал политики, словесности, наук, искусств и художеств».⁵ Однако несмотря на сложившееся в литературных кругах мнение, программа «Временника...» позволяет судить о Мее как человеке, имевшем издательскую стратегию, под которой мы, вслед за И. В. Лизуновой, понимаем «некую упорядоченную во времени концептуальную модель поведения издательства / издающей организации,⁶ реализуемую через приоритетные направления, формы, методы, средства, правила, приемы использования ресурсного, научно-технического и производственно-сбытового потенциала предприятия для достижения собственной миссии и целей, сохранения и/или расширения своего конкурентного преимущества на книжном рынке».⁷ Это определение мы используем с небольшими оговорками, которые касаются части, где речь идет о конкретных технических и экономических ресурсах (к сожалению, мы не располагаем информацией о том, из каких денежных средств Мей рассчитывал покрывать траты на производство «Временника...», оплату труда постоянных сотрудников и авторов; нет также сведений о том, в какой типографии планировалось печатать журнал). Под «конкурентным преимуществом на книжном рынке» мы имеем в виду фрагменты из программы «Временника...», которые были направлены на то, чтобы запрос на издание журнала совпадал с политической повесткой, что в свою очередь позволило бы получить разрешение на осуществление

¹ См.: Воробьева О. А. Л. А. Мей в редакции журнала «Русское слово» // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2018. № 4. С. 144–159.

² Рейсер С. А. Вступительная статья // Мей Л. А. Стихотворения и драмы / Вступ. статья, ред. и прим. С. А. Рейсера. Л., 1947. С. 8 (Библиотека поэта. Малая сер.).

³ В архивных документах используется другое сокращенное название — «Россия», мы предлагаем использовать «Временник...», так как в 1856 году, при повторном обращении в цензурный комитет, этот же журнальный проект будет озаглавлен уже как «Русский временник отечественных событий, словесности, науки, искусств и художеств» (см.: РГИА. Ф. 777. Оп. 2. 1854 год. Д. 107. Л. 6).

⁴ Рейсер С. А. Вступительная статья. С. 12–13.

⁵ Щербина Н. Ф. Полн. собр. соч. СПб., 1873. С. 332. Обратим внимание на то, что эта шуточная трактовка сна Щербины имеет прямое отношение к «Временнику...», так как почти полностью повторяет название неосуществленного в 1854 и в 1856 годах проекта Мей.

⁶ В нашем случае — издателя.

⁷ Лизунова И. В. Издательские стратегии XXI в.: понятие, сущность, значение // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25. № 4. С. 69.

проекта в условиях, когда периодическая печать находилась в состоянии глубокого кризиса.

В документах Российского государственного исторического архива⁸ хранится обращение Мея с просьбой разрешить ему издавать «Временник...». Запрос в цензурный комитет Мей передал в ноябре 1854 года — в непростое для отечественной печати время. Вероятно, именно поэтому предварительно он заручился поддержкой дочери императора Николая I, о чем в сопроводительной записке к программе сообщал министр народного просвещения А. С. Норов:⁹ «Государыня великая княгиня Мария Николаевна, удостоив рассмотрения записку коллежского асессора о предполагаемом им новом повременном издании под названием „Россия“, изволили обратить благословенное внимание на предприятие Мея» (л. 1). В самой программе Мей писал: «Я почел бы себя вполне счастливым, если бы предполагаемое издание удостоилось Высокого внимания Ее Императорского Высочества великой княгини Марии Николаевны» (л. 3 об.); а также: «Мысль о подобном издании, заслужившая одобрения некоторых государственных сановников, была предлагаема мною на обсуждение многих известных писателей, ученых и художников: все они изъявили полную готовность на содействие» (л. 1).

Выбранный в программе тон отражает понимание Меем политической ситуации в мире: эхо революции в Европе отразилось в российском законодательстве, учрежденный Д. П. Бутурлиным «Комитет 2 апреля 1848 года» вплоть до 1855 года прицельно следил за издательским рынком (этот период широко известен как «мрачное семилетие»). Мей, судя по содержанию документа, отдавал себе в этом отчет и потому подстраховал свою идею о журнале покровительством лица из высших кругов, а также тех, чьи имена он не назвал, но указал, что они из числа «известных», а значит, вероятно, имеющих авторитет. Статистика свидетельствует о том, что обстановка действительно не благоволила к реализации новых издательских проектов: так, при Николае I в 1845–1854 годах был разрешен выход всего 6 газетам и 19 журналам (в это число не входит периодика правительственных учреждений). Для сравнения: при Александре II в 1855–1864 годах появилось 66 новых газет и 156 новых журналов.¹⁰ Мей искал надежные пути для получения разрешения на журнал: так, во вступительном слове программы несостоявшийся издатель нарочито свидетельствовал о своей благонадежности: «Самобытность русского слова, мысли и творчества высказалась еще яснее и определеннее при настоящих событиях по манию Державного своего Повелителя, восстала за веру и правду и отделила свои свежие силы от обветшалого государственного механизма Европы» (л. 1). Нам представляется, что, уверяя цензоров в своем исключительном расположении Николаю I и его политике, Мей действовал сообразно времени, он мог понимать, что не только у власти, но и у части читающей публики есть запрос на соответствующие материалы: «Сознание этих сил, проявившихся во всех отраслях общественной жизни, породило, между прочим, живую потребность в таком повременном издании, которое, отклонив всякое, даже косвенное влияние чужеземности, представляло бы образцы отечественной умственной и художественной деятельности» (л. 2). Насколько эти слова были искренними, судить сложно, но, по крайней мере, в этот период творчества Мея нельзя назвать певцом власти,¹¹ хотя он ею интересовался. Близкий друг Мея Я. П. Полонский видел в этом некоторую «странность»: «Он знал не только имена и отчества всех вельмож, игравших какую-нибудь

⁸ РГИА. Ф. 777. Оп. 2. 1854 год. Д. 107. Далее ссылки на материалы этого дела приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера листа. Орфография и пунктуация в цитируемых текстах приведены к современным нормам, ошибки и опiski исправлены без оговорок, сохранены отдельные особенности авторского написания.

⁹ С Норовым Мей был знаком лично; см. об этом: *Бухмейер К. К.* Л. А. Мей. Вступительная статья // Мей Л. А. Стихотворения / Вступ. статья, подг. текста и прим. К. К. Бухмейер. М., 1972. С. 12 (Библиотека поэта. Большая сер.).

¹⁰ *Жирков Г. В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. С. 156.

¹¹ Написанная после смерти Николая I «Записка» («Эх, пора тебе на волю, песня русская...») была истолкована Добролюбовым как «необходимость освобождения народа». Об этом см.: *Бухмейер К. К.* Л. А. Мей. Вступительная статья. С. 26.

видную роль в царствование Николая I: он знал, как зовут их жен, какого они происхождения и какое родство у них. Мало того, Мей мог бы перечислить все чины и ордена тогдашних министров, точно он читал и знал наизусть послужные списки их. Словом, Мей казался мне ходячим адрес-календарем. Делалось это невольно или с умыслом? Если с умыслом, то с каким? Мей не искал себе службы, не добивался того, чтобы двери высшего общества были открыты ему; словом, я не замечал в нем ни малейшего низкопоклонства. Он по своим убеждениям, конечно, уважал всякую власть; но уважал ее платонически, ничего от этих властей себе не ожидая.¹² По воспоминаниям А. П. Милюкова, «современные общественные вопросы мало занимали его (Мей. — О. В.), а политическими событиями он интересовался еще меньше. Когда заходил, бывало, разговор на подобную тему, он или уклонялся от него, или старался свести его на литературу».¹³ Обратим внимание, что воспоминания Милюкова были опубликованы в 1883 году, каких взглядов придерживался Мей почти тридцатью годами ранее, сказать однозначно невозможно, однако в его творчестве за 1854 год действительно не обнаруживаются глубоко патриотические сочинения, тем более не поднимается тема военной мощи Российской империи. Между тем «Временник...» должен был открываться отделом,¹⁴ состоявшим «из официальных известий о распоряжениях правительства, о подвигах русских войск» (л. 2 об.). В 1854 году в разгаре была Крымская война, и осенью, когда Мей отправлял запрос в цензурный комитет, русская армия не могла похвастаться успехами: в начале сентября она отступала от Альмы, в конце сентября оставила Балаклаву; октябрь ознаменовался бомбардировкой Севастополя, а в первые дни ноября случилась битва под Инкерманом, в которой только начало сулило успех, но результат обернулся тупиком — русские снова отступили.¹⁵ Мей же в это время сообщал, что планирует писать «о всех тех современных событиях, в которых каждый верноподданный привык видеть воплощение державной мысли и воли Богохранимого Монарха» (л. 2 об.). Также планировалось, что номера журнала будут дополняться специальными приложениями в том случае, если будут происходить значимые события, требующие особенного внимания.

Второй отдел журнала должен был представлять собой пособия для отечественных бытописателей, заниматься разработкой старого быта, «подготовившего незыблемые основы православного и самодержавного русского царства» (л. 2 об.). Этот отдел журнала соотносился с интересами Мей — по словам С. А. Рейсера, он идеализировал старину и превозносил древний быт. Не зря творчество поэта богато вкраплениями разного рода фольклорных жанров.¹⁶

Программа «Временника...» примечательна тем, что в ней поэт Мей мало внимания уделил литературному отделу. У него сказано буквально одно предложение: «...назначается для изящной словесности, исключительно отечественной: переводы, кроме стихотворных, не будут допускаться» (л. 2 об.). Категоричность в отношении переводных произведений объясняется запретом публиковать в журналах переводы с французского, наложенным еще в 1847 году министром народного просвещения С. С. Уваровым. Об этом цензор Никитенко писал в своем дневнике: «...хотя французские романы и повести, печатаемые в иных журналах, до такой степени переделываются в русских переводах, что в них не остается ничего вредного, однако лучше не допускать их вовсе — за чем предписывается цензорам строго смотреть. Да и вообще не должно разрешать печатания никаких переводов иначе, как представляя предварительно каж-

¹² Полонский Я. П. Л. А. Мей как человек и писатель. Из литературных воспоминаний // Русский вестник. 1896. № 9. С. 106–107.

¹³ Милюков А. П. А. А. Григорьев и Л. А. Мей (Отрывок из воспоминаний) // Исторический вестник. 1883. № 1. С. 109.

¹⁴ Всего в программе было заявлено восемь отделов. Объем книг должен был составить от 25 до 30 листов ежемесячно.

¹⁵ Об этом см.: Тарле Е. В. Соч.: В 12 т. М., 1959. Т. 8. С. 95–192.

¹⁶ Об этом см.: Рейсер С. А. Вступительная статья. С. 17–19. Также см.: Бухмейер К. К. Л. А. Мей. Вступительная статья. С. 41; Кормилов С. И. Мей Лев Александрович // Русские писатели: Биобиблиографический словарь: В 2 т. М., 1990. Т. 2. М–Я. С. 26.

дый перевод попечителю, от усмотрения коего будет зависеть, пропустить его или нет». ¹⁷ А позже — однако еще до начала «мрачного семилетия» — 14 января 1848 года вышло распоряжение Главного управления цензуры, в котором говорилось о всех иностранных переводах: «...чтобы из романов, кои не будут разрешены к переводу вполне, не было дозволяемо печатать и отрывков в русском переводе». ¹⁸ Здесь же упомянем о шестом отделе «Временника...», который по формальным признакам можно отнести к литературному или критическому и который так же, как третий, был кратко описан; шестой отдел предназначался «для „обозрения словесной деятельности“ (русские писатели, разбор и оценка сочинений, перечень новых книг, заметки о повременных изданиях)» (л. 3).

Четвертый отдел журнала был посвящен научным материалам, где предполагалось писать «о постепенном развитии отечественной науки и о ее деятелях», а также отдавать место «статьям, разрешающим современные научные вопросы» (л. 2 об.). Вряд ли под «современными» имелись в виду вопросы общемирового масштаба: научная литература из-за рубежа преследовалась не меньше, чем вся остальная. Показательны сведения о том, что даже в 1870 году известному физиологу И. М. Сеченову приходилось обращаться в Комитет цензуры иностранной, чтобы ему выдали «для собственного употребления» ¹⁹ ранее удержанные листы из труда Ч. Дарвина «Происхождение человека».

Довольно большое место в программе «Временника...» отведено было пятому отделу, посвященному искусствам и художествам. Он должен был делиться сразу на шесть подразделов: Живопись, Ваение, Зодчество, Мозаику, Музыку и Театр. В условиях «мрачного семилетия» эта часть журнала только наполовину представлялась безобидной: вряд ли материалы о русском зодчестве и ваении могли нести потенциальную угрозу Российскому государству, чего нельзя сказать о таких видах искусства, как музыка и театр, особенно если учесть, что музыкальные ноты были под не меньшим надзором властей, чем буквы. ²⁰ Но Мей нашел выход — здесь взгляд должен был быть обращен преимущественно в прошлое, а там, где речь заходила бы о современности, ограничиваться академическими рамками. Итак, Мей планировал говорить об истории отечественного искусства, публиковать жизнеописания художников, давать оценку их творчеству, — что важно — извлеченную из академических отчетов, а также писать отзывы о художественных выставках. Далее Мей добавляет: «Таким образом, читатели будут в состоянии вполне оценивать все заботы правительства о процветании отечественного искусства, с другой стороны, ближе знакомиться с именами и произведениями художников. — Для большего и наглядного ознакомления предполагается прилагать к изданию фотографические снимки с художественных произведений русской школы, находящихся в Императорской Академии художеств, в Императорской Эрмитажной галерее, в Храме св. Исаакия и др.» (2 об. — 3).

С осторожной краткостью описан седьмой отдел, состоящий из внутренних известий (иногородних писем и выборки из губернских ведомостей). И если этому отделу отведен обзор провинциальной жизни, то восьмой посвящен Санкт-Петербургу, однако он, судя по программе, представал бы на страницах журнала не как современная столица с насыщенной различными событиями жизнью, а как статичный город, в котором ничего не происходит: «Кроме фотографических снимков будут прилагаться противни старинных рисунков, присоединенных к некоторым летописям, и музыкальные ноты» (л. 3). В условиях тотальной цензуры «Очерки петербургской жизни» вынуждены были ограничиваться фотографиями, рисунками и нотами.

Глядя на расположение отделов и количество информации о них, можно предположить, что у Мея был умысел сделать акцент на тех, которые не обладали потенциальной

¹⁷ Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. М., 1955. Т. 1. С. 307.

¹⁸ Гринченко Н. А., Патрушева Н. Г. Комитет цензуры иностранной в Петербурге, 1828–1917: Документы и материалы. СПб., 2006. С. 47.

¹⁹ Цит. по: Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. С. 140.

²⁰ Там же. С. 98.

остротой тем: это новости в том виде, как их подает правительство, это подвиги армии, а из развлечений для читающей публики — искусство (ваяние, зодчество, мозаика, в лучшем случае — музыка и театр). Именно такие отделы были подробно расписаны. Обращает на себя внимание и их продуманное расположение: создается впечатление, будто Мей и это сделал с умыслом, желая затмить безобидными отделами отделы, представлявшие существенный интерес для цензуры.

Запрос на издание «Временника...» рассматривал цензор А. И. Фрейганг. В его рапорте от 3 декабря 1854 года сказано: «...записка сия представляет программу, превосходящую объемом своим программы всех существующих у нас периодических изданий, <...> по содержанию своему обещает весьма полезное патриотическое издание» (л. 4). За Фрейгангом последовало изучение программы председателем Санкт-Петербургского цензурного комитета М. Н. Мусиным-Пушкиным и секретарем А. К. Ярославцевым. В обращении к министру народного просвещения от 10 декабря 1854 года Мусин-Пушкин и Ярославцев докладывали, что в будущем журнале Мея нельзя допускать раздел о современных событиях, под которыми подразумевается в том числе политика, а это «строго запрещено прочим литературным журналам» (5–5 об.),²¹ как и «художественные приложения,²² обещаемые к журналу „Россия“, также воспрещаемы прочим журналам» (л. 5 об.). Примечательно, что и Фрейганг, и Мусин-Пушкин с Ярославцевым пишут не только о дальнейшей необходимости придерживаться программы журнала, но и о должной материальной способности его содержать: «...все будет зависеть от выполнения программы, от средств редакции...» (л. 4); «будет ли все в ней обещанное выполнено совершенно и добросовестно, заключения дать нельзя, потому что все зависит от материальных средств издателя, и от направления его и сотрудников его, и от меры доверенности, которой они будут достойны» (л. 5 об.). О сложном финансовом положении Мея хорошо было известно в литературных кругах,²³ поэтому, нам кажется, неслучайно об этом упоминают в своих рапортах и цензоры. Рейсер пишет, что «если годы жизни в Москве были годами стесненной материальной жизни, то десятилетие, прожитое в Петербурге, нельзя охарактеризовать иначе, как голодное».²⁴ В столицу Мей переехал в 1853 году, переписка его жены с сестрами за 1854 год подтверждает, что Мей жил в постоянной нужде.²⁵ «Небольшой заработок в „Библиотеке для чтения“ сначала в качестве корректора и автора статей в „Энциклопедическом лексиконе“, а потом в качестве постоянного сотрудника журнала и члена его редакции позволил Мею как-то удержаться на поверхности», — заключает К. К. Бухмейер.²⁶ Опираясь на эти сведения, мы полагаем, что желание издавать «Временник...» было тесно сопряжено с необходимостью поправить материальное положение, а вовсе не с тем, чтобы своим журнальным делом быть включенным в политический процесс России, как это может показаться читателям программы «Временника...». Разрешение было получено, но Мей не спешил воплощать идею в жизнь, или, лучше сказать, обстоятельства его жизни не способствовали реализации замысла.

В 1856 году Мей снова обратился за разрешением издавать «Временник...», и в июне того же года снова его получил за подписью министра народного просвещения А. С. Но-

²¹ Цензоров настораживала вероятность возникновения в журнале площадки для обсуждения политики, так как еще 20 июня 1848 года «Комитет 2 апреля 1848 года» распорядился, что «не должно быть допускаемо в печать никаких, хотя бы и косвенных, порицаний действий и распоряжений правительства и установленных властей, в какой бы степени сии последние не принадлежали» (Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. СПб., 1862. С. 250). О недопустимости «косвенных намеков» говорилось и в марте того же года: «цензура, сии статьи пропустившая, подвергнется строгой ответственности» (Там же. С. 244).

²² В программе «Временника...» ничего не было сказано о художественных приложениях к журналу. Привлечения планировалось выпускать только к первому отделу, как уже отмечено выше.

²³ Воробьева О. А. Л. А. Мей в редакции журнала «Русское слово». С. 148.

²⁴ Рейсер С. А. Вступительная статья. С. 8.

²⁵ Там же. С. 11.

²⁶ Бухмейер К. К. Л. А. Мей. Вступительная статья. С. 13.

рова. Программа осталась прежней, несмотря на незначительное изменение в заглавии журнала. Разрешение, полученное 26 июня 1856 года, давало право Мею начать карьеру издателя с 1857 года, но проект снова остался нереализованным. В это время Мей стал завсегдатаем вечеров графа Г. А. Кшелева-Безбородко, который с 1856 года также задумывал издавать свой журнал «Русское слово», к обсуждению организации которого Мей имел прямые отношения.²⁷

²⁷ Воробьева О. А. Л. А. Мей в редакции журнала «Русское слово». С. 144–159.

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-2-145-154

© С. Н. Гуськов

КОНФЛИКТ И. А. ГОНЧАРОВА И И. С. ТУРГЕНЕВА В СОЦИАЛЬНОЙ ОПТИКЕ*

Публичная ссора двух выдающихся русских писателей середины XIX века считается одним из самых скандальных эпизодов в истории отечественной литературы. Чувство неловкости (разумеется, за Гончарова)¹ у современников и потомков возникло даже не столько в 1859 году, когда были впервые в узком кругу обнародованы его претензии к Тургеневу, сколько в 1921-м, по выходе в свет «Необыкновенной истории», гончаровской интерпретации событий.

Как кажется, приоритетом для большинства исследователей этой темы было стремление смягчить и сгладить конфликт, обойти его острые углы и каким-то образом прийти к заключению, что ничего из описываемого в мемуарной книге Гончарова не могло быть, а значит, и не было, никто не виноват, все это плод нездорового воображения. Приоритет, вполне понятный для современников, участников третейского суда. Однако для исследовательских задач он менее пригоден, хотя и психологически объясним тем, что в безобразный конфликт были вовлечены знаменитые писатели. Естественным побуждением было желание историю эту поскорее замять.

Кстати, именно так отреагировали на «Необыкновенную историю» ее первые читатели. Рукопись этого текста хранилась после смерти Гончарова у его преданной литературной помощницы Софьи Александровны Никитенко (дочери известного мемуариста и друга Гончарова А. В. Никитенко), которая передала ее одному из душеприказчиков Гончарова А. Ф. Кони, и тот по прочтении предложил это произведение немедленно уничтожить.

Кони писал директору Публичной библиотеки Э. Л. Радлову 1 августа 1920 года: «Прочитав этот поток подозрений Тургенева в своеобразном плагиате сюжетов, злобных инсинуаций по его адресу и ругательных характеристик, я пришел в мое время к выводу, что это большой бред (Гончаров, несомненно, страдал «навязчивыми идеями», в чем по отношению к Тургеневу я имел случай лично и много раз убедиться, о чем, при удобном случае, могу Вам подробно рассказать). Лучше всего согласно надписи, сделанной самим Гончаровым на рукописи, ее уничтожить».²

Действительно, «Необыкновенная история» автором не предназначалась для печати. Гончаров в сопроводительной заметке к рукописи указывал: «Из этой рукописи,

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00761, <https://www.rscf.ru/project/24-18-00761/>, ИРЛИ РАН. За бесценные советы благодарю А. С. Бродову и М. Б. Велижеву.

¹ История многими воспринималась как «внутренняя драма Гончарова» (О первой публикации «Необыкновенной истории» (Письма А. Ф. Кони и Э. Л. Радлова) / Публ. О. А. Демиховской // Лит. наследство. 2000. Т. 102. И. А. Гончаров: Новые материалы и исследования. С. 306–307).

² Там же. С. 306.

11. *Moskvin V. A.* Tsenzura i rasprostranenie inostrannykh izdaniy v Moskve (vtoraia polovina XIX — nachalo XX v.). Dis. ... kand. ist. nauk. Tver', 2004.
12. *Polianskaia L. I.* Tsenzurnye dela ob izdanii proizvedenii Mitskevicha v Rossii // Adam Mitskevich v russkoi pečati 1825–1955 / Otv. red. M. P. Alekseev. M.; L., 1957.
13. *Reitblat A. I.* Tsenzura narodnykh knig vo vtoroi chetverti XIX veka // Reitblat A. I. Kak Pushkin vyshel v genii. M., 2001.
14. *The Power of the Pen: Translation & Censorship in Nineteenth-century Europe.* Wien; Berlin, 2010.
15. *The Routledge Handbook of Translation and Censorship* / Ed. by D. Merkle, B. J. Baer. London, 2025.
16. *Translation and Censorship in Different Times and Landscapes.* Newcastle, 2005.
17. *Translation Studies Forum: Translation and censorship* // *Translation Studies.* 2011. Vol. 4. № 3; 2012. Vol. 5. № 1.
18. *Vitale S.* Manzoni in Russia // *Manzoni europeo* / A cura di G. Pontiggia. Milano, 1985.
19. *Volodina I. P.* Zametki o vospriatii tvorchestva A. Mandzoni v Rossii (1820–1960) // *Volodina I. P.* Ital'ianskaia traditsiia skvoz' veka. Iz istorii ital'ianskoi literatury XVI–XX vekov: Sb. statei. SPb., 2004.
20. *Volodina I.* Manzoni in Russia // *Atti del VII Congresso nazionale di studi manzoniani.* Lecco, 1966.

Оксана Александровна Воробьева

старший преподаватель Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Москва)

Oxana Aleksandrovna Vorobyova

Senior Lecturer, National Research University
Higher School of Economics (Moscow)

ORCID: 0009-0006-6676-4654

oxalvo@gmail.com

НЕРЕАЛИЗОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ Л. А. МЕЯ

L. A. MEI'S ABORTED MAGAZINE PROJECT

В статье с опорой на архивные документы впервые подробно прослежена история журнального проекта Л. А. Мей «Россия, временник отечественных событий, словесности, науки, искусств и художеств». Несмотря на дважды полученное разрешение (в 1854 и 1856 годах), издание так и не вышло в свет. Анализ программы «Временника...» свидетельствует о том, что Мей, не имея практической возможности реализовать свой проект, умел принимать верные стратегические решения, позволявшие получить право на выпуск нового периодического издания.

Ключевые слова: Л. А. Мей, «Временник отечественных событий, словесности, науки, искусств и художеств», русская журналистика, журнальный проект, цензура.

Drawing on the archival data, the article offers the first ever exploration of a magazine project by L. A. Mei, *Russia, the Chronicle of National Events, Literature, Science and Arts*. Even though the permission to publish the magazine was granted twice (in 1854 and 1856), Mei never brought the project to fruition. The analysis of the program of the *Chronicle* indicates that although Mei didn't have the practical abilities and capabilities to implement his project, he nevertheless had a strategic idea of how to obtain a permission to publish a magazine in a challenging time for the Russian press.

Key words: L. A. Mei, *Russia, the Chronicle of National Events, Literature, Science and Arts*, Russian journalism, magazine project, censorship.

Список литературы

1. *Воробьева О. А.* Л. А. Мей в редакции журнала «Русское слово» // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2018. № 4.

2. *Гринченко Н. А., Патрушева Н. Г.* Комитет цензуры иностранной в Петербурге, 1828–1917: Документы и материалы. СПб., 2006.
3. *Жирков Г. В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001.
4. *Кормилов С. И.* Мей Лев Александрович // Русские писатели: Библиографический словарь: В 2 т. М., 1990. Т. 2. М–Я.
5. *Лизунова И. В.* Издательские стратегии XXI в.: понятие, сущность, значение // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25. № 4.
6. *Мей Л. А.* Стихотворения / Вступ. статья, подг. текста и прим. К. К. Бухмейер. М., 1972 (Библиотека поэта. Большая сер.).
7. *Мей Л. А.* Стихотворения и драмы / Вступ. статья, ред. и прим. С. А. Рейсера. Л., 1947 (Библиотека поэта. Малая сер.).
8. *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. М., 1955. Т. 1.
9. *Тарле Е. В.* Соч.: В 12 т. М., 1959. Т. 8.

References

1. *Grinchenko N. A., Patrusheva N. G.* Komitet tsenzury inostrannoi v Peterburge, 1828–1917: Dokumenty i materialy. SPb., 2006.
2. *Kormilov S. I.* Mei Lev Aleksandrovich // Russkie pisateli: Biobibliograficheskii slovar': V 2 t. M., 1990. T. 2. M–Ya.
3. *Lizunova I. V.* Izdatel'skie strategii XXI v.: poniatie, sushchnost', znachenie // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2018. T. 25. № 4.
4. *Mei L. A.* Stikhotvoreniia / Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. K. K. Bukhmeier. M., 1972 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
5. *Mei L. A.* Stikhotvoreniia i dramy / Vstup. stat'ia, red. i prim. S. A. Reiserera. L., 1947 (Biblioteka poeta. Malaia ser.).
6. *Nikitenko A. V.* Dnevnik: V 3 t. M., 1955. T. 1.
7. *Tarle E. V.* Soch.: V 12 t. M., 1959. T. 8.
8. *Vorob'eva O. A. L. A.* Mei v redaktsii zhurnala «Russkoe slovo» // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. 2018. № 4.
9. *Zhirkov G. V.* Istoriia tsenzury v Rossii XIX–XX vv. M., 2001.

Сергей Николаевич Гуськов

зам. директора по научной работе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)

Sergei Nikolaevich Gus'kov

Deputy Director, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences; Docent, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg)

ORCID: 0000-0002-5921-9926

sgouskov@gmail.com

КОНФЛИКТ И. А. ГОНЧАРОВА И И. С. ТУРГЕНЕВА В СОЦИАЛЬНОЙ ОПТИКЕ

THE CONFLICT BETWEEN I. A. GONCHAROV AND I. S. TURGENEV IN A SOCIAL PERSPECTIVE

Статья посвящена анализу конфликта между И. А. Гончаровым и И. С. Тургеневым с учетом социального и литературного контекста. В отличие от традиционных интерпретаций, акцентирующих внимание на психопатологических аспектах этого сюжета или верификации плагиата, в статье предлагается рассмотреть конфликт в связи с эволюцией социальных ролей писателей и трансформацией литературной коммуникации. Такой подход позволяет не только уточнить